

Борис ХЕРСОНСКИЙ ВЫСОКАЯ ПЫЛЬ

28 НОЯБРЯ БОРИСУ ГРИГОРЬЕВИЧУ ХЕРСОНСКОМУ ИСПОЛНИЛОСЬ 60 ЛЕТ. ПОЗДРАВЛЯЕМ!

пока кто-то знает толк в письменности шумера
и во тьме понимает клинопись подушечками пальцев
пока кто-то помнит как заливая землю вода шумела
пока кто-то читает детям о гильгамеше
первом среди скитальцев

пока кто-то еще вспоминает как боги терзали друг друга
и создавали мир из кровавых ошметков плоти и сгустков
пока кто-то ходит в подземных залах музеев в часы досуга
и отличает орнаменты на сосудах этрусков

пока в средних школах проходят историю древнего мира
и зачитан до дыр учебник переданный дедом внуку
пока засыпая хоть кто-то твердит слова вавилонского мифа
и крылатый бык с человеческим лицом
простирает над миром руку

пока кто-то знает что в начале было страданье
и главный закон вселенной сносить унижение послушно
пока кто-то знает что книга лежит в основании мирозданья
и жить не страшно и умирать не скучно

Мама, пойдем смотреть панораму, ту, которая про войну.
Круглое здание, в нем — сражение в натуральную величину.
Что ближе — больше, со спичечный коробок то, что вдали,
Артиллеристы у пушки. Офицер командует: "Пли!"

Слева — пехота, справа строят редут.
Прямо — наши "ихних" пленных ведут.

Крутят запись — гром канонады, ржание лошадей.
Мальчику скоро восемь. В голове его много идей,
например, как совершить революцию
раньше на сто пять лет,
на Бородинском поле среди золотых эпюлет,
в кармане у мальчика новый игрушечный пистолет.
Мальчик занят, он еще не знает, кто он:
товарищ Кутузов или — Наполеон.
Хороша треуголка и руки, скрещенные на груди,
но впереди Ватерлоо, Святая Елена, вся смерть впереди,
а товарищ Кутузов наш, но одноглаз и толст.
небо сражения — декорация — масло, холст.

Нарисованный ворон, над трупами не кружи:
они, как и ты, — обман, декорация, муляжи.

Мальчик стоит, улыбаясь, среди нарисованной лжи.

Мама, скажи, ведь не даром? Мама, скажи.

Сам он — ученейший человек и души хрустальной,
подлинный сын века — математик, химик, астроном.
Возится то с телескопом, то со шкатулкой музыкальной,
возмущен алтарем церковным и королевским тронном.

А ходит, как все, — в камзоле, парик с косичкой,
всегда напудрен, гуляет с тросточкой непременной.
Рыжую дочь Полину называет лисичкой
и учит ее устройству и составу Вселенной.

Ей всего шесть лет, но на карте звездной
назовет и покажет самую малую точку.
Просвещенный отец по ночам гуляет под черной бездной
по крышам самых высоких зданий и всюду таскает дочку.

Вчера на крыше ратуши, сегодня — на кровле собора
видят фигурку девочки в белом и отца
в камзоле и с тростью.
Головы их запрокинуты — от звезд не отрывают взора,
и звезды приветствуют мудреца
и прекрасную юную гостью.

страстотерпцы воины змееборцы
в длинных праздничных облаченьях
столпники схимники чудотворцы
вспоминаете ли хоть порою
о своих чудесах и мученьях
и о почестях что герою
оказывали по пьяни герцоги и селяне
владельцы виноградников защитники замков
с квадратными башнями крытыми черепицей
на каждой шпиль увенчанной медной птицей

встречались как на прогулке на поле брани
монахи менялы клирики и миряне
экипажи эсминцев подлодок танков
всадники пехотинцы пилоты
без индальгенций на всех не хватает бланков
выходят из офисов аквариумных банков
клерки возвращающиеся с работы
к румяным деткам усталым женам
озлобленным и напряженным

а лучше им было не возвращаться
просто исчезнуть и не попроситься
отстраниться и удалиться
туда где тоги до пят ниспадают
где светятся мозаичные лица

молятся схимники мученики страдают
где монастырь прилепился к скалам
где валяется чудище с предсмертным оскалом
на полянке да на зеленой травке
копьем припилено как бабочка на булавке
рядом табличка с надписью на латыни
род и вид вымерший ныне

много лет просыпаясь чуть свет
я врубаю один и тот же диск тот же дуэт
люис и элла
люис и элла и всех то дел
боже как он в трубу дудел
боже как она пела
сначала винил запыленный потом сияющий диск
но звуки те же пусть и разложенные на цифры
и собранные потом

бедная бабушка рая ей казалось что это визг
а это была классная музыка в исполнении крутом
бедная бабушка рая она говорила прекрати этот вой
и все это без толку молодость не щадит седин
страшно подумать что я остался один живой
ни эллы ни люиса ни бабушки раи совсем один
сколько мелькает родных потусторонних лиц
я смотрю сквозь них и мне пока невдомек
что моя фонотека не лучше
глиняных клинописных таблиц

крутится старый винил
надетый на никелированный пенек

И огромная грудь раздувается, тычет соском.
И младенческий ужас расширяет зрачки.
Но мы не дети, не ходим под стол ползком,
слава Богу, мы в этом мире не новички,
не вчера родились, старушки, глядя нам вслед,
крестятся, говорят: "Ишь, повывахали бычки!"
Затылки — вторые морды! Еще наделают бед!"

Мы видали-перевидали, мы жрали и вытирали рты
рукавами выцветших гимнастеров,
на третье хлебали компот.
Все как один голосовали за власть золотой орды.
В баньке — гол, как монгол. На полку стекает пот.

В предбаннике на журнальном столике фотоальбом:
под каждым фото имя — не то, телефончик — тот.

Стыд ночной восходит к луне столбом

Вот она расшнуровывает ботинок.
А старшой шипит: "Скройся с глаз!
Разденься, зайди красиво, чтобы была как в меню!"
И она возвращается: тяжелые груди, широкий таз —
кустодиевская ню, замотанная в простыню.

Присвистывает: "Сколько вас, а я что, одна на всех?
Позвать подружек, что ли?",
а старшой: "Справишься, не впервой,
слышала, падла, что называется свальный грех?"

И девка смеется и трясет головой.

На рассвете думаешь — никто тебя не убил,
потому что никто не хотел,
придется теперь самому позаботиться.
Город давно опустел.

Когда-никогда пронесется внедорожник-автомобиль,
куда-никуда, и кто там сидит за рулем, или никто уже не?
Свет от фар, как ветер высоко поднимает пыль,
пыль летит высоко, дальше не страшно мне.

Приснилась церковная служба — будет доходное место.
Хлопоты, если снится, что собака тебя трепала.
Если привидится в белой фате молодая невеста,
а ты был трижды женат, то пиши пропало.

А мне-то и церква снилась, и колокола гремели,
и рыба снулая — к смерти,
и к деньгам — дрожжевая опара,
и неслась по зелено лужку печь дурака Емели,
и папоротник расцветал на Ивана Купала.

И еще во сне трепала меня за штанину облезлая шавка,
не забыть бы, что к хлопотам, и мертвяк у стены, и
еще часто снился гнилой переулок, колхозная лавка,
бутылки зеленые, пробочки жестяные.

Жестяные пробочки, с ушком, зелено-белые этикетки,
с трешки, как полагается, тринадцать копеек сдачи.
И еще снился покойный племянник покойной соседки.
Жизнь на сутки короче. Век не видать удачи.

Жизнь — не классическая симфония, где к финалу
звук нарастает мало-помалу,
рокочит литавры, духовых, особенно медных,
больше, чем струнных, теперь почти незаметных.
Соль мажор, до мажор, словно вспышка света.

Фото Олега Владимировского

В книге долго хранится программка и два билета.

Десятый ряд, нечетная половина, но в самом деле
зал был почти пустой, и сидели все, где хотели.
Мимо здания филармонии грузовики проезжали —
было слышно, и стекла слегка дребезжали.

Жизнь к финалу больше похожа на партитуру
для флейты соло.

На репетицию — немного света среди темного зала,
немного звука среди тишины,
музыкант в пустую трубочку дышит.
Звук прервется — никто не заметит,
звук продлится — никто не услышит.

В двенадцатом веке в лесу человек поставил сруб
и вырыл колодец. И прожил до смерти там.
Он был не монах, а злодей-душегуб,
никого не сгубивший. Случилось так,

что при жизни никто к нему не пришел. Ну что ж,
хорошо, что никто не пришел, не попал под нож.

А человек всю жизнь сидел и ждал богача,
чтоб ограбить, убить, а тело бросить в колодец, потом
быть пойманным и лечь под топор палача
и безголовым на плахе лежать пластом.

Но ничего такого с ним не случилось. Его
почитали отшельником. После кончины труп
остался нетленным, не видя уже ничего,
лет десять сидел у окна, одетый в тулуп.

На этом месте стоит часовня. Сохранился колодец. Вокруг
постепенно разросся город, не слишком велик,
и его благословляет движением скрюченных рук
разбойник, который умер, не оставив улики.

Трудовые династии — потомственные санитары,
рубщики мяса, приемщики стеклотары,
завскладами, грузчики из овощной лавки,
натошак — сигарета и полста — для затравки.

Страна держалась на вас — что ж вы не удержали,
зря буденовцы бились, зря их лошади ржали,
зря глядел в бинокль начальник генерального штаба,
зря мылась в большом корыте его румяная баба.

Зря примус огнем горел под чайником медным.
Зря человек вносил свой вклад, стараясь быть незаметным,
напрасно в общем строю и в общей столовке,
напрасно кубок с медалью за победу на стометровке.

Красная майка, герб на груди, на спине — инвентарный
номер, цена нам копейка — советская в день базарный.
Комнатка два на четыре, через кухню вход с галереи,
можно будет расширяться, как уедут соседи-евреи,

или бабка-пенсионерка душу отдаст собесе,
или сосед-морж утонет и не вернется в Одессу.
Нет, не удержали страну, а что мы — какие атланты?
Зря на октябрьский парад надевали красные банты.

Впрочем, что рыдать, покойнице много чести.
Магазин овощной на месте и корпус мясной на месте.
Только дедушка молодой на подкрашенном фото
пучит глаза, шевелит губами, словно просит чего-то.